подобных, также пассионарных людей, им установить новые, отвечающие их запросам отношения. Для этого принцип социальной близости не подходит, так как при рождении новый этнос уничтожает старые социальные институты. После воздействия пассионарного толчка, после мутагенного воздействия пассионарные люди могут появиться в любой социальной нише. И для того, чтобы объединиться первые пассионарии объединялись по принципу подсознательной взаимной симпатии. Так, первые римляне - квириды, принимали к себе симпатичных им людей из окружающей местности и изгоняли (но, не убивали) из своих рядов пьяниц и проституток. Таким образом, в первоначальной консорции (группа людей с общей исторической судьбой) увеличивалось количество пассионариев. Гумилев пишет, что именно комплиментарность, как неосознанная подсознательная взаимосимпатия, взаимовлечение лежали в основе любого объединения людей, приведшего к рождению любой этнической традиции и сопряженного с ней социального института. Комплиментарность это не только тяга друг к другу, она выражается и в общих вкусах, привычках, мироощущении. В основании евразийского мироощущения, считают исследователи, лежат проблемы сущности России, ее истоков, места, занимаемого ею в истории, в окружающем ее мире, характера ее взаимоотношений с великими цивилизациями Востока и Запада, ее естественного стремления к сохранению своей национальной, культурной и исторической самобытности. Верность может проявляться не только по отношению к человеку, но и по отношению к чьим-либо политическим, религиозным или этическим убеждениям. Очевидно, что наши персонажи находятся «по разные стороны баррикад».

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

В.И. Чуешов, г. Минск, Беларусь

В наши дни в науке и жизни в ходу различные типологии личности. Многие из них конгениальны идеям Гиппократ-Галена, с которых и началось сведение бесконечных вариаций многомерной человеческой природы к конечному числу типов. Деля людей на холериков, сангвиников, флегматиков и меланхоликов античные врачи, строго говоря, типологии личности не предлагали, а их биолого-физиологическая типология природы человека ошибочно считалась таковой. В современной философии обосновывается многоуровневость природы человека, и выделяется не менее шести ее уровней (секстэссенция) [1, с. 38-41]. В ней личностная природа человека аналитически регистрируется как четвертая в ряду физико-химической, биолого-физиологической, технико-технологической природы человека [1, с. 38-41]. В такой перспективе редукции личностной природы человека к ее физико(фюзисо(натуро))-

физиологической, технико-технологической природе, есть рецидив мифологического и архаичного или утопического и футуристического мышления. Следы первого сегодня можно найти в фигурах речи и мысли, именуемых типы личности зодиакальными созвездиями, экземплярами флоры и фауны (близнецами, девами, а также дубами, львами, свиньями, лисами и пр.). Оставляя в стороне философские причины архаизации и утопизации типологии личности (ее деление на автоматы, роботы, киборги и т.д.), здесь ограничимся следующим. Основанием типологии личности в собственном смысле являются не природно-физиологические, технико-технологические, а ее социальные, осмысленные искусственные связи и отношения с другими людьми. В них раскрываются ее ожидания, репертуар, исполняемых в жизни ролей и пр., что, собственно, и позволяет нам, отдавая должное хорошему ученику, не забывать о его учителе и, наоборот.

Взяв за фундамент типологии личности особенности конкретно-исторических социально-экономических отношений людей, К.Маркс, например, выделял три типа социальных качеств человека: личной, вещной зависимости, а также свободной индивидуальности; описывал личности капиталиста и рабочего, крестьянина и феодала. Неоправданно смешивая личностную и биолого-физиологическую природу человека, другой создатель неклассической философии З.Фрейд выделял оральные, анальные, фаллические и генитальные типы личности. Его последователь К.Юнг в этом же ключе различал личности интровертов и экстравертов. Очевидно, что в неклассической философии не всегда строго дифференцировались различные уровни природы человека и аоследовательно учитывались временные (темпоральные) основания типологии личности, что предопределялось общими коммуникативными ориентациями постнеклассической философии [2, с. 10-50]. Вместе с тем важная роль темпоральной типологии личности не была тайной для отдельных представителей неклассической философии, в также для художественной литературы и психологической науки.

В психологии она так или иначе фиксировалась в исследованиях различных видов памяти человека. Догадки о ней были побочным продуктом обобщения эмпирических данных о темпоральной модификации (трансформации) личности в результате поражения определенных частей человеческого мозга. Американский нейрохирург Б.Сковилл, пытавшийся излечить пациента Г.М. от эпилепсии с помощью лоботомии, после удаления у его гиппокама «сформировал» личность не способную к восприятию будущего. Человек-настоящего Г.М., не утратив после операции навыков чтения и письма, читая, всегда читал один и тот же журнал, в своей жизни испытывал одни и те же эмоции (заметим в скобках, по преимуществу, положительные), концентрировался на одних и

тех же мыслях (по большей части актуальных, и лишь отчасти ретро-, и почти никогда не проективных). Человек-настоящего Г.М. мог быть человеком-будущего всего одну минуту. Лишенный будущего, он был обречен всю жизнь быть главным образом человеком-настоящего и лишь отчасти человеком-прошлого, причем не столько в биолого-физиологическом, сколько в личностном смысле слова. Отдельные элементы темпоральной типологии личности использовал американский психолог Э.Шостром. Развивая тезис Э.Фромма о том, что человеческая личность не является вещью, он делил людей на манипуляторов и актуализаторов, выделяя среди первых темпоральные подтипы. Манипуляторы им подразделялись на манипуляторов, использующих прошлое, объяснявшими, например, незащиту собственной диссертации ссылками на резоны, укорененные в нем («в силу известных обстоятельств прошлого я и не защитил диссертацию»), настоящее («сейчас я чрезмерно загружен, и не имею времени на защиту»), будущее («в следующем полугодии (году, пятилетке и пр.) я обязательно защищу диссертацию»). Темпоральная типология личности Э.Шострома не была общей, т.к. не распространялась на актуализаторов, несмотря на то, что он правильно полагал, что актуализатор может жить не только настоящим, точнее, ограничиваться им как сковилловский пациент Г.М., хотя он и является «личностью, имеющей дело с реальным процессом жизни в настоящем»[3]. Следовательно, в психологической науке правильно предполагается, что, проживая настоящее, человек не может *полностью* абстрагироваться от прошлого и будущего (даже пациент Г.М. все же мог заглядывать в будущее, хотя и не более, чем на минуту, и вспоминать свою прошлую жизнь, правда лишь до пятнадцатилетнего возраста). Не означает ли это, что в психологической науке основой темпоральной типологии личности является не только и не столько гиппокам, другие, не вполне известные современной науке части мозга человека, а ее конкретно-исторические социальные связи и отношения. Данное обстоятельство также отражается в искусстве, в частности, в художественной литературе. В ней человека-настоящего нередко называют реалистом, прагматиком, в отличие от тех, кто живет через настоящее в прошлом (ностальжистов и пр.) или будущем (нигилистов и пр.). Человек-прошлого, вспомним образы Фамусова, Рудина, а также сегодня уже подзабытые персонажи популярной литературы социалистического реализма так или иначе вписывается во время, позволяя различать не только консерваторов, антипрогрессистов, реакционеров, но и людей, ускоряющих время. Эстетически моделируя реляционные основания темпоральной типологии личности, художественная литература позволяет нам более глубоко охарактеризовать человека-прошлого, настоящего и будущего. Например, тот же тургеневский Рудин, плохо владеет ситуативным бытописанием и

пользуется не контекстуальным (ситуативным), а схематично-универсальным способом миропонимания. В этом миропонимании приоритетное внимание уделялось не особенному и единичному, а абстрактно общему, тогда как в тени оставалось конкретно общего. Его гегелевским олицетворением была, вылетающая на охоту в полночь сова, признанный образ философской мудрости. В художественной литературе убедительно показано, что исчерпывающая *реконструкция* даже толики жизни человека-прошлого требует изощренной техники эстетического анализа, как точно показано в тексте джойсовского «Улисса», воспроизводящем лишь один вчерашний день главных героев романа. Неудивительно, поэтому, что художественно сформированные люди-будущего могут бездумно «расстреливать Растрелли», «сбрасывать Пушкина с корабля современности», демонстрируя при этом схематизм абстрактно общего миропонимания. По сравнению с ними более темпорально взвешенными являются типичные носители обыденного сознания, ориентирующиеся на особенное и единичное: собственных современников и предшественников, а также потомков. Следовательно, философски обобщая опыт темпоральной типологии личности в науке и искусстве, вполне оправданно различать человека-прошлого (*личность там-и-тогда*), человека-настоящего (*личность здесь-и-теперь*) и человека-будущего (*личность там-и-потом*), детализируя ее средствами постнеклассической философии и современной науки.

Литература:

1. Чуешов, В.И. Секстэссенция и экзистенция человека / В.И. Чуешов // Рациональность и экзистенция. Тезисы IX Международной конф. - СПб: СПбГУ, 2011.
2. Чуешов, В.И. Классическая, неклассическая и постнеклассическая философия диалога: ее логико-риторические аспекты и импликации для теории аргументации / В.И. Чуешов // Логико-риторические аспекты диалога. – Киев: ВГЦ Київський університет, 2011.
3. Шостром, Э. Человек-манипулятор / Э. Шостром. - Киев: PSYLIB, 2003 – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/shost01/index.htm>. - Дата доступа: 1.09.2013).

НОРМАТИВНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ В ПОЛИТИКЕ КАК ФИЛОСОФСКО–МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Н.С. Щекин, г. Минск, Беларусь

Нормы, придающие политическим отношениям упорядоченный и цивилизованный характер подразделяются на моральные, правовые и внутривнутриполитические. Акцент на ту или иную группу норм позволяет выделить несколько приоритетных стратегий политической деятельности.